

Н. О. Лернеръ.

Замѣтки о Пушкинѣ.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XXIX.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1917.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1917 г.**

Непремѣнный Секретарь академикъ С. Ольденбургъ.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Къ исторіи «Стансовъ. (Изъ Вольтера)».

Среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина есть «Стансы (Изъ Вольтера)». Это—переводъ слѣдующей пьесы французскаго поэта:

A M-ME DU CHATELET.

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours;
Au crépuscule de mes jours
Réjoignez, s'il se peut, l'aurore.
Des beaux lieux où le dieu du vin
Avec l'Amour tient son empire,
Le Temps, qui me prend par la main,
M'avertit que je me retire.
De son inflexible rigueur
Tirons au moins quelque avantage.
Qui n'a pas l'esprit de son âge
De son âge a tout le malheur.
Laissons à la belle jeunesse
Les folâtres emportemens:
Nous ne vivons que deux moments;
Qu'il en soit un pour la sagesse.
Quoi! pour toujours vous me fuyez,
Tendresse, illusion, folie,
Dons du ciel, qui me consoliez
Des amertumes de la vie!
On meurt deux fois, je le vois bien:

Cesser d'aimer et d'être aimable,
 C'est une mort insupportable;
 Cesser de vivre, ce n'est rien.
 Ainsi je déplorais la perte
 Des erreurs de mes premiers ans;
 Et mon âme, aux désirs ouverte,
 Regrettait ses égarements.
 Du ciel alors daignant descendre,
 L'Amitié vient à mon secours;
 Elle était peut-être aussi tendre,
 Mais moins vive que les Amours.
 Touché de sa beauté nouvelle,
 Et de sa lumière éclairé,
 Je la suivis; mais je pleurai
 De ne pouvoir plus suivre qu'elle.

Переводъ этой же пьесы находимъ также у В. И. Туманскаго.
 Приводимъ рядомъ оба перевода, Пушкина и Туманскаго.

ПУШКИНЪ.

Ты мнѣ велишь пылать душою:
 Отдай же мнѣ минувши дни,
 И мой развѣтъ соедини
 Съ моею вечернею зарею.
 Мой вѣкъ невидимо проходитъ;
 Изъ круга смѣховъ и хариъ
 Ужъ время скрыться мнѣ велитъ
 И за руку меня выводитъ.
 Предъ нимъ смириться должно намъ:
 Кто примѣняться не умѣтъ
 Своимъ премѣчивымъ годамъ,
 Тотъ горестъ ихъ одну имѣтъ.
 Счастливицамъ рѣзвымъ, молодымъ
 Оставимъ страсти заблужденья;
 Живемъ мы въ мѣрѣ два мгновенья —
 Одно разсудку отдадимъ.
 Ужель на вѣкъ вы убѣжали,
 Любовь, мечтанья первыхъ дней,
 Вы, усаждавшія печали

В. И. ТУМАНСКІЙ.

Ты мнѣ велишь пылать душою;
 Отдай же мнѣ любви дни
 И мой закатъ соедини
 Съ моею утренней зарею!
 Я бросилъ Вакховы края,
 Эрота вѣтреное племя;
 Отъ нихъ безжалостное время
 Уводитъ за руку меня.
 Кто удержать его посмѣеть?
 Нѣтъ! Покоряюся ему, —
 И жить нерадостно тому,
 Кто жить по лѣтамъ не умѣтъ.
 Оставимъ юношамъ вино,
 Затѣи, игры, заблужденья!
 Мы только два живемъ мгновенья:
 Пусть будетъ мудрости одно!
 Цѣль навсегда вы убѣжали,
 Безпечность, радость, отъ меня?
 Въ васъ находилъ отраду я

Минутной младости моей?	Въ моей довѣрчивой печали.
Намъ должно дважды умирать.	Ахъ! дважды ждетъ кончина насъ:
Проститься съ сладостнымъ мечтань- емъ —	Забить любовь, не быть любя- мымъ —
Вотъ смерть, ужасная страдань- емъ!	Вотъ смерть съ мученьемъ не- стерпимымъ!
Что значить послѣ — не дышать?	Окончить дни — отрадный часъ!
На сумрачномъ моемъ закатѣ,	Такъ я оплакивалъ измѣну
Среди вечерней темноты,	Мятежныхъ, юношескихъ дней
Такъ сожалѣлъ я объ уtratѣ	И жизни невозвратной цѣну
Обмановъ сладостной мечты.	Какъ будто чувствовалъ живѣй.
Тогда на голосъ мой унылой	Тогда съ небесъ своихъ неожиданно
Мнѣ дружба руку подала:	На гласъ мой дружба низошла:
Она любви подобна милой	Она душѣ непостоянной
Въ одной лишь нѣжности была.	Отраднa какъ любовь была.
Я ей принесъ увядши розы	Прельщенный гостею моею
Веселыхъ юностиа дней	И свѣтомъ озаренъ ея,
И вслѣдъ пошелъ... но лить я слезы,	Пошелъ за ней; но плакалъ я,
Что могъ идти во слѣдъ лишь ей.	Что могъ идти я лишь за нею.

Переводъ Туманскаго нѣсколько ближе къ подлиннику, чѣмъ переводъ Пушкина, кое-гдѣ слишкомъ далеко отъ него отходящій (напр., въ ст. 33—34); мѣстами, въ четырехъ послѣднихъ куплетахъ, даже удачнѣе, но самостоятельность его должна быть заподозрѣна. Несомнѣнно, въ умѣ или даже передъ глазами Туманскаго было стихотвореніе Пушкина. Оно появилось въ печати лишь по смерти Пушкина, но было написано въ 1817 г. Пьеса Туманскаго, датированная 1822 г., появилась въ 1823 въ «Новостяхъ Литературы» (см. «В. И. Т. Стихотворенія и письма», ред. С. Н. Браиловскаго, С.-Пб. 1912, стр. 96—97, 338).

На знакомство Туманскаго съ переводомъ Пушкина указываютъ нѣкоторыя мѣста, отстоящія довольно далеко отъ подлинника. Въ обоихъ переводахъ совершенно одинаковъ первый стихъ: «Ты мнѣ велишь пылать душою», тогда какъ у Вольтера сказано буквально: «Если вы хотите, чтобы я еще любилъ». Пушкинъ вложилъ въ эту мысль оригинальные образы: «велишь» и «пылать душою». Невозможно предполагать, что они могли такъ же само-

стоятельно возникнуть подъ перомъ Туманскаго. Такое совпаденіе просто невѣроятно. То же должно сказать о замѣнѣ въ обоихъ переводахъ слова «emportemens» (ст. 14) — «заблужденьямъ». У Вольтера отсутствуетъ «голосъ мой», на который сходитъ съ небесъ дружба: его подсказалъ Пушкинъ, и у Туманскаго тоже — «мась мой».

Приходится либо смотрѣть на переводъ Туманскаго какъ на передѣлку Пушкинскаго перевода, кое въ чемъ не совѣмъ удачнаго, либо, по крайней мѣрѣ, видѣть въ пьесѣ Туманскаго слѣды несомнѣннаго знакомства со «Стансами» Пушкина. Хотя они не были еще напечатаны, но, какъ многіе, могли ходить по рукамъ. Въ такъ называемой «Матюшкинской» тетради «Стихотвореній воспитанниковъ Императорскаго Лицея» (см. К. Я. Грота, «Пушкинскій Лицей», С.-Пб. 1911, стр. 147 и др.) «Стансы» имѣются. Но такъ или иначе — только знакомствомъ Туманскаго со стихотвореніемъ Пушкина можно объяснить приведенныя «совпаденія».

II.

Опечатка или поправка?

«Не пей мучительной отравы», —

читаемъ мы 17-й стихъ посланія «Когда твои младыя лѣта»... во всѣхъ изданіяхъ произведеній Пушкина, начиная съ III части «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г. Автографа не существуетъ. Но въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., I, 101, гдѣ пьеса появилась впервые, дано нѣсколько иное чтеніе:

«Не пей мутительной отравы»....

Вообще издателямъ, конечно, слѣдуетъ держаться позднѣйшей авторской редакціи, и если какое-нибудь стихотвореніе, напечатанное въ 1830 г., подверглось измѣненіямъ въ 1832 г., то эти измѣненія не должны быть игнорируемы, и ихъ приходится при-

нимать безъ колебаній и отговорокъ. Но въ данномъ случаѣ допустимо сомнѣніе, имѣемъ ли мы дѣло съ намѣреннымъ измѣненіемъ, съ новой редакціей интересующаго насъ стиха. Сомнѣніе вызывается тѣмъ, что отъ такой замѣны стихотвореніе явно проиграло.

Едва ли Пушкинъ назвалъ бы здѣсь отраву «мучительной». Онъ говоритъ о заманчивомъ соблазнѣ, представляемомъ свѣтской жизнью. Мучителенъ результатъ этой отравы, но сама она такъ сладка. Она не мучитъ, а мутитъ душу,—и поэтъ обращается къ сегодняшней царицѣ свѣта, владѣющей «его тщеславною любовью», и завтрашней жертвѣ его «лицемѣрныхъ гоненій» съ дружескимъ совѣтомъ:

Оставь блестящій, душевный кругъ,
Оставь безумныя забавы....

Соблазнъ самъ по себѣ именно мутителенъ. Таковъ бываетъ соблазнъ любви: «ты, душу нѣжную мутя, учила горести глубокой», вспоминалъ Пушкинъ о кокеткѣ Ризничъ («Онѣгинъ»); таково оболъщеніе національнаго тщеславія: «но вы, мутители палатъ, легкоязычные витіи»... («Бородинская годовщина»). «Блестящій кругъ», «Безумныя забавы» — эту отраву потому-то такъ жадно пьеть увлекающаяся женская натура¹⁾, что она вовсе не мучительна; блескомъ и забавами маскируется отравка для души.

Пушкинъ не могъ сознательно испортить удачный эпитетъ и замѣнить его неподходящимъ, и на замѣну буквы *m* буквой *n* въ изданіи 1832 г. мы должны смотрѣть, какъ на опечатку, не замѣченную самимъ поэтомъ, а не какъ на новую редакцію 17-го стиха, который слѣдуетъ печатать такъ, какъ напечатанъ онъ въ «Литературной Газетѣ», — безъ ущерба общему смыслу и психологической выразительности. Какъ ни авторитетны изданія самого

1) Стихотвореніе посвящено графинѣ А. Ѳ. Закревской (см. мою статью въ «Русск. Архивѣ» 1911 г., кн. I, стр. 641—642, и Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. V, стр. XXVII).

Пушкина, и къ нимъ нужно относиться критически, безъ рабской подчиненности. Былъ же въ Пушкинскомъ «Современникѣ», а за нимъ во всѣхъ изданіяхъ, испорченъ случайной замѣной буквы одинъ стихъ «Скупого рыцаря»¹⁾).

III.

Пушкинъ въ сраженіи.

Объ участіи Пушкина въ сраженіи съ турками на высотахъ Саганъ-Лу 14-го іюня 1829 г., о которомъ говорится въ третьей главѣ «Путешествія въ Арзрумъ», кромѣ часто цитируемаго историка войны Н. И. Ушакова («Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ»), рассказываетъ еще Ф. Фонтонъ (Félix Fonton, «La Russie dans l'Asie-Mineure, ou campagnes du maréchal Paskévitch en 1828 et 1829», Paris. 1840, p. 558—559). Приводимъ этотъ рассказъ, небезынтересный для изучающихъ Пушкина.

«Стычка 14-го іюня 1829 г. замѣчательна тѣмъ, что въ ней принялъ участіе Александръ Пушкинъ, любимѣйшій русскій поэтъ. Сильнѣе всякаго другого онъ чувствовалъ, сколько было поэзии въ этой азіатской войнѣ, и какой блескъ придавалъ ей предпринимчивый характеръ графа Паскевича. Его пылкая душа, плѣненная русской славою, которой онъ такъ дѣятельно споспѣшествовалъ на иномъ поприщѣ, и можетъ быть его отважный духъ побудили его принять участіе въ подвигахъ Русскихъ. Онъ присоединился къ Кавказскому корпусу, когда тотъ начиналъ переходъ черезъ Саганлугъ. На берегахъ Инжа-су, когда непріятель атаковалъ русскихъ передовыхъ, поэтъ впервые услышалъ свистъ пуль. Вдохновленный прелестью этой совѣтмъ новой для него

1) Объ этомъ см. мою замѣтку въ «Русск. Старинѣ» 1912 г., апрѣль, 112—113. Въ другомъ случаѣ можно полагать, что Пушкинъ воспользовался случайной опечаткой, тутъ же оговоренной, какъ поправкой, которую принялъ (въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» — см. мои примѣч. въ Соч. II, изд. С. А. Венгерова, II, 592).

поэзии, онъ вышелъ изъ своей палатки, вскочилъ на лошадь и въ мгновеніе ока очутился на аванпостахъ. Генераль Раевскій, свидѣтель этого бурнаго порыва, боясь за жизнь своего друга, долженъ былъ чуть не насильно удалить Пушкина отъ казачьихъ передовыхъ, когда онъ, охваченный свойственной новобранцу удалью схватилъ пику одного изъ убитыхъ, чтобы броситься на непріятельскаго всадника, къ великому удивленію казаковъ, увидѣвшихъ передъ собою челоуѣка въ круглой шляпѣ и буркѣ. Это былъ первый бранный подвигъ любимца Музы на Кавказѣ. Больше онъ не пользовался смертоноснымъ оружіемъ, и къ своей храбрости ему пришлось прибѣгнуть лишь въ одномъ печальномъ обстоятельстве, увѣнчавшемъ славу поэта слезами и скорбью пятидесяти милліоновъ челоуѣкъ».

Фонтоуъ почти дословно повторяетъ разсказъ Ушакова (т. II, С.-Пб. 1836, стр. 305—306). Панегиристъ графа Паскевича, онъ приписываетъ Пушкину такое же восторженное отношеніе къ руководителю военныхъ дѣйствій. Но Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ болѣе сдержаннаго мнѣнія о Кавказскихъ подвигахъ Паскевича, хотя, конечно, воздавалъ ему должное.

Еще одно любопытное извѣстіе объ участіи Пушкина въ Саганлугскомъ дѣлѣ находимъ у декабриста А. С. Гангелова («Воспоминанія», М. 1888, стр. 188):

«Мы, піонеры, оставались въ прикрытіи штаба и занимали высоту, съ которой, не сходя съ коня, Паскевичъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Когда главная масса турокъ была опрокинута, и Раевскій съ кавалеріей сталъ ихъ преслѣдовать, мы завидѣли скачущаго къ намъ во весь опоръ всадника: это былъ Пушкинъ, въ кургузомъ пиджакѣ и маленькомъ цилиндрѣ на головѣ. Осадивъ лошадь въ двухъ—трехъ шагахъ отъ Паскевича, онъ снялъ свою шляпу, передалъ ему нѣсколько словъ Раевского и, получивъ отвѣтъ, опять понесся къ нему же, Раевскому».

IV.

Недостающіе стихи въ первомъ посланіи Н. М. Языкова къ Пушкину.

Это посланіе, — отвѣтъ на стихи Пушкина: «Издревле сладостный союзъ»..., — впервые появилось въ «Современникѣ», т. VI, 1837 г., стр. 374—375, съ пропускомъ трехъ стиховъ, замѣненныхъ точками. Они остались невозстановленными въ собраніяхъ стихотвореній Языкова. Въ недавно пріобрѣтенномъ нами экземпляръ VI тома «Современника» чья-то неизвѣстная рука вписала надъ этими строками точекъ недостающіе стихи (17—19); исправленъ также 15-й стихъ. Приводимъ все это мѣсто, означая курсивомъ пропущенное въ печати.

Пѣвецъ единственной забавы,
 Пѣвецъ вакхическихъ картинъ,
 И Дерптскихъ дѣвъ и Дерптскихъ винъ,
 И прозельтъ журнальной славы,
Какъ тароватому царю
За чинъ почетный благодаренъ
Его нестоющій бояринъ,
 Такъ я тебя благодарю.

Пропуски возникли, надо думать, по милости цензуры. Не зная, кѣмъ они возстановлены, не можемъ ручаться за точность возстановленія въ смыслѣ принадлежности ихъ Языкову, но она довольно вѣроятна и по фактурѣ стиха ¹⁾, и по тогдашнему (1824 г.) отношенію Языкова къ Пушкину.

Н. Лернеръ.

1) Въ 1823 г. Языковъ писалъ А. С. Дериной:

Благословенному царю
 Не такъ за ленту благодаренъ
 Ея не стоющій бояринъ:
 Я васъ душой благодарю.

(«Русск. Стар.» 1903 г., мартъ, стр. 479—480).